Я сейчас умру, - в бешенстве подумал Гарри, оттесняя себя и Гермиону в самый дальний угол библиотеки и глядя на водоворот ярости и злобы, образовавшийся вокруг прежде приветливой фигуры Смерти. Он понятия не имел, что привело в действие эту сущность, но мог догадаться. Почти навязчивая потребность Дамблдора контролировать каждый аспект его жизни часто приводила Гарри в ярость, но ничего подобного.

"Я больше никогда не пойду по пути этого старого болвана!" рявкнул Смерть, и его голос отозвался эхом, как легион проклятых, сотрясая основы самого мира. Гарри был в замешательстве, и это было ужасно. Смерть больше не будет ходить по тропе Дамблдора? Когда это Смерть была кому-то подвластна?

Гермиона, благословите её любопытное сердце, похоже, тоже догадалась. И, несмотря на его бешеные рывки и нервные жесты, протиснулась вперёд и - довольно глупо, хотя и смело - шагнула к острой, как бритва, злобной ауре, оставляющей глубокие следы на стенах и полу вокруг разъярённой фигуры самой Смерти.

Гермиона, в порыве гриффиндорской глупости, решила, что самый верный способ привлечь внимание Смерти - он уже упоминал, что это была Смерть, - это бросить в него книгой. Гарри был одновременно поражен ее наглостью (для Гермионы бросить одну из ее драгоценных книг было поистине грандиозным событием) и на сто процентов уверен, что Смерть вот-вот размажет его лучшего друга по стенам библиотеки.

Книга, конечно же, не долетела до мужчины. Скорее, она была разорвана на мелкие кусочки черной и серебряной магией, пылающей вокруг него, а затем растворилась в пепле. Но она привлекла его внимание, и твёрдые чёрные глаза бездны остановились на слегка подрагивающей Гермионе.

"Когда это директор пытался с-контролировать тебя?" - произнесла она удивительно ровным голосом, учитывая, кто на нее смотрел. Вопрос, казалось, одновременно успокоил сущность и еще больше разъярил ее.

Пылающий гнев Смерти в мгновение ока превратился в ледяной, от которого дыхание застывало в воздухе и трещало вокруг, как разбитое стекло. "Он сделал меня мучеником", - прорычал Смерть гортанным, диким звуком, которому не место в человеческом горле. "Пожертвовал моей человечностью ради Великого Блага". Затем он ухмыльнулся: за потрескавшимися губами блеснули длинные клыки, а по зубам пробежал черный язык. "Я запер его в своем шкафу и оставил его тело гнить, а сам проглотил его проклятую душу". Улыбка Смерти была беззубой; мстительное удовольствие так и излучалось от него, а его замороженная магия замедлилась и вернулась к той же останавливающей сердце ауре, что и при его появлении. "Он был последним смертным, который пытался контролировать меня. Я в этом убедился".

Дыхание Гарри замерло в груди. Гермиона, очевидно, не понимала, о чём он только что говорил, а он, честно говоря, не спешил её просвещать. Его взгляд метался по лицу Смерти, его форме, волосам, похожим на тень, абсентным глазам... как он не замечал этого раньше?

Смерть поймал его взгляд, и дикая ухмылка вернулась, а гнетущая аура исчезла, словно ее и не было. По выражению лица Смерти - какому-то мрачному удовольствию и странному чувству собственничества - было ясно, что Смерть уже знает то, что Гарри только сейчас понял. Гарри едва слышал шум крови в ушах и был благодарен Гермионе за то, что она сейчас отвлеклась, пытаясь привести в порядок библиотеку (хорошо, что её приоритеты расставлены правильно).

Смерть подошла ближе, одним шагом преодолев всю длину комнаты и резко вторгшись в личное пространство Гарри. Гарри невольно вздрогнул, пытаясь смириться с откровением, которое только что обрушилось на него.

"Значит, ты понял это, моя смертная оболочка?" Смерть прошептал ровным шепотом, его и без того жуткий голос понизился до едва слышимого человеческим ухом. И если он и раньше не был уверен, то, услышав, как Смерть называет его так, лишь подтвердил это. "Да... маленький волшебник. Видишь, что твой директор сделал со мной? С нами?" Смерть раскинул руки, словно в мольбе, но все, что он сделал, - это привлек внимание Гарри к неестественным, скелетным конечностям и слишком длинным пальцам. Руки Смерти заставляли трупы выглядеть грузными. "Мне подарили пресловутый плащ-невидимку Игнотуса, я хотел получить Бузинную палочку Антиоха и обманом выманил у Кадмуса Воскрешающий камень". Смерть протянула обе руки, чтобы схватить его за лицо, но вместо этого они уперлись в стену за его головой, нависая над ним и убивая проклятыми черными глазами. "Посмотри на меня, моя смертная оболочка. Посмотри, что сделал со мной твой драгоценный директор". Мягкий голос Смерти стал скорбным и напомнил Гарри о плачущих детях и матери, кричащей, чтобы та забрала её и пощадила сына. "Я не прикасалась к живым существам миллионы лет. Миллионы, моя оболочка". Длинные пальцы Смерти дрожали, прижатые к стене, и слегка изгибались, словно пытаясь пробить камень когтями. Смерть опустил голову, и волосы, похожие на клубы тени и огня, окружили его, словно живая грива.

А потом, без всякого предупреждения, Смерть вдруг оказался в нескольких футах от него, сцепив руки за спиной, словно он всегда там был. На его лице снова появилась дикая ухмылка, акульи зубы белели на фоне серой бледности кожи, а глаза снова приобрели тревожный оттенок электрического зеленого.

Гарри сильно сомневался, что его альтернативный "я" - Смерть - был полностью вменяем, и недоумевал, почему ему потребовалось столько времени, чтобы прийти к такому выводу. Однако он совершенно по-новому оценил свое недоверие к Дамблдору. Если какая-то альтернативная, будущая версия директора школы манипулировала им, чтобы он превратился в... это... тогда Гарри чувствовал себя совершенно оправданным в своей параноидальной неприязни.

Улыбка Смерти изменилась, словно в ответ на его решение: губы сомкнулись над острыми зубами, и он улыбнулся кривой полуулыбкой, которую узнавал каждый раз, когда смотрелся в зеркало. Гарри просто кивнул сам себе - в обоих смыслах этого слова - и отошел от стены.

Он всегда был одинок в своем недоверии к Дамблдору. Гермиона преклонялась перед авторитетом, как волшебник преклоняется перед Мерлином, а Уизли были так далеко в кармане Дамблдора, что он удивлялся, как они могли дышать. Ремус был в долгу перед этим человеком, а у Сириуса - при мысли о крестном отце у Гарри перехватило дыхание, но он

боролся с чувством вины и утраты - Азкабан нанес ему такой урон, что он стал едва ли более зрелым, чем был в подростковом возрасте.

Но теперь... Гарри взглянул на Смерть (сломанную, мёртвую и искажённую так, как он и представить себе не мог), молча стоящую посреди разрушенной библиотеки, и неуверенно улыбнулся в ответ. Ответная улыбка Смерти была одновременно ослепительной и пугающей, полной игл, клыков и тьмы, но Гарри не стал возражать.

Он никогда не доверял никому, кроме себя. Да и не доверял. Поэтому ему имело смысл доверять другой его версии, какой бы пугающей, могущественной и бесчеловечной она ни была.

В конце концов... они были почти как семья, а он всегда мечтал о такой.

http://tl.rulate.ru/book/101167/3474866